

«СОЦИАЛЬНАЯ СЕЛЕКЦИЯ» КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ВЕРСИЯ УОЛТЕРА РАНСИМЕНА

Внутских А. Ю.

ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия (614990, Пермь, ГСП ул. Букирева, 15), avnut@inbox.ru

Проведен анализ концепции эволюционной социологии в версии У. Г. Рансимена. Показано, что данная концепция опирается на парадигму селекционизма и близка современным вариантам социобиологии. Выделены сильные и слабые стороны данной концепции. Автор полагает, что к ее сильным сторонам можно отнести идею трех уровней действия отбора (биологический, культурный, социальный), четкое определение объектов отбора на этих уровнях. Особенно интересен анализ объективно действующего социального отбора, объектами которого являются практики. Однако, по мнению автора, у данной концепции есть некоторые теоретические и методологические изъяны, которые препятствуют принятию парадигмы селекционизма в науках о человеке. У. Рансимен не вполне объясняет механизм взаимодействия трех уровней отбора; рассматривает «среду», содержащую критерии отбора и выступающую его непосредственным фактором, как некую фундаментальную, «всемогущую» реальность – но не исследует ее формирование и сущность; не исследует связь отбора с эволюционным прогрессом и развитие самого механизма отбора.

Ключевые слова: парадигма селекционизма, эволюционная социология, биологический отбор, культурный отбор, социальный отбор.

SOCIAL SELECTION AS CATEGORY OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: WALTER RANCIMAN'S VERSION

Vnutskikh A. Y.

FSBEE HPO Perm State National Research University, Perm, Russia (614990, Perm, street Bukireva, 15), e-mail: avnut@inbox.ru

The analysis of W. G. Ranciman's evolutionary sociology concept is provided. Author suggests that the concept is based on the selectionist paradigm and is close to modern versions of a sociobiology. Strengths and weaknesses of the concept are pointed out. Author believes that the strengths of the concept are: idea of three levels of action of selection (natural, cultural, social), precise definition of selection objects at these levels. The analysis of objective social selection is the most interesting; objects of this selection are practices. However, author suggests, that this concept has some theoretical and methodological defects. It interferes to acceptance the selectionist paradigm in Human sciences. W. Ranciman does not quite explain mechanism of interaction between three levels of selection; he considers that an environment contains selection criteria and acts as its immediate factor and fundamental «all-powerful» reality – but he doesn't research forming and essence of environment; he doesn't investigate link of selection with evolutionary progress and development of selection mechanism as such.

Key words: the selectionist paradigm, evolutionary sociology, natural selection, cultural selection, social selection.

Введение

Понятие «социальной селекции» в социально-гуманитарных науках используется в наши дни весьма широко. По-видимому, это следствие так называемой «второй дарвиновской революции», которая на рубеже XX–XXI вв. охватила практически все области знания и была связана с быстрой «экспансией» понятия отбор на все новые отрасли теории и практики [4]. Для характеристики этой экспансии достаточно сказать, что в первой половине 2013 года поиск по слову «selection» в международной платформе Web of Knowledge определил 151623 записи; поиск по словосочетанию «social selection» в БД Web of Science выявил 628 записей. Поиск в российской научной электронной библиотеке

ELibrary.ru выдавал 420 результатов на словосочетание «социальный отбор» и 64 результата – на словосочетание «социальная селекция».

В научную социологию понятие социальная селекция проникло еще в начале XX века, главным образом в связи с развитием теории социальной стратификации, большой вклад в развитие которой внес П. А. Сорокин. Сорокин особо подчеркивал, что понимает социальную селекцию не в биологическом смысле выживания. Для него это «социальная сортировка индивидов внутри общества, недопущение или отвержение непригодных и, напротив, отбор соответствующих индивидов» согласно «с их талантами и возможностями успешного выполнения своих социальных функций» [3, с. 405]. Однако здесь возникает ряд важных в теоретико-методологическом плане вопросов. Как соотносятся селекция социальная и культурная, социальная и биологическая? Каково содержание социальной селекции – т. е. каковы ее факторы и критерии? Является ли сам механизм социальной селекции развивающимся или неизменным? Актуальность этой проблематики не вызывает сомнений – достаточно вспомнить о контексте глобальной конкуренции и кризисных явлений в мировой и российской экономике, нарастающей дифференциации населения, стран и регионов мира по уровню дохода, образования, политического влияния, о дифференцированном изменении численности различных этнических групп в России и мире, наконец, об отражающих эти реалии известных концепциях «золотого миллиарда» и «исключающего развития» (по М. Кастельсу). Возникает вопрос – можно ли осмыслить подобные социальные явления с позиций селекционизма, и если да, то, как это сделать теоретически и методологически грамотно, избегая редукционизма, «биологизаторства»?

Целью исследования, представленного в данной статье, является критический анализ того, как эта триединая проблема (соотношение форм селекции, содержание механизма социальной селекции, развитие этого механизма) решается в работах известного представителя эволюционной социологии, английского исследователя сэра Уолтера Рансимена (Walter Garrison Runciman).

Материалом исследования является не переведенная на русский язык работа У. Рансимена «Парадигма селекционизма и ее приложения в социологии» (*The Selectionist paradigm and its implications for sociology*), опубликованная в 1 выпуске известного журнала «Социология» (*Sociology*) в 1998 году. Можно констатировать, что Рансимен не отступил от основного содержания изложенной в этой статье концепции и позже. Это вполне проявилось в его фундаментальной монографии «Теория культурного и социального отбора», вышедшей в Нью-Йорке в 2009 году [6]. В качестве **главного метода** исследования можно определить критический анализ работ У. Рансимена с позиций принципов объективности, системности и

эволюционизма, являющихся основополагающими для разрабатываемой автором научно-философской концепции отбора.

Рансимен начинает с констатации того факта, что социологи, как правило, с подозрением относятся к применению биологических идей в их области. Однако упомянутая «вторая дарвиновская революция» привела к формированию общенаучной парадигмы (в смысле указанном Т. Куном), которую У. Рансимен и называет «парадигмой селекционизма». «Центральными для любой версии селекционистской парадигмы, которая применима на любой стороне разделительной линии между природой и культурой, являются два связанных предположения. Согласно первому качественные изменения являются неотъемлемым свойством объекта отбора, некоторой способностью к модификации по терминологии Дарвина, которая приходит не извне (и еще менее свыше как в креационистской парадигме), а изнутри. Это предположение подразумевает, что нет... нужды в тех объяснениях которые апеллируют к... разумным силам или процессам... Однажды данных физических компонентов, из которых состоит все в мире, возможности, что объекты, состоящие из них, могут копироваться с большими или меньшими ошибками, достаточно, чтобы сесть в поезд эволюционного процесса, в ходе которого появятся новые формы... включая жизнь, сознание и человеческую социальную организацию. Второе предположение состоит в том, что возможности, что мутант выживет, распространится и копируется, зависят не от самой ошибки копирования, а от особенностей среды, в которой он появился, что делает его последующую репликацию более или менее вероятной» [5, р. 169-170].

Почему же представления о «социальной селекции» до сих пор вызывают массовое отторжение у исследователей социально-гуманитарного профиля? У. Рансимен полагает, что к этому положению привели как исторические, так и методологические причины. «Исторически, вопреки усилиям Энгельса и некоторых других, дать марксизму скорее дарвиновскую, чем гегелевскую, интерпретацию, марксистские социологи в целом не видят себя в качестве объясняющих человеческую историю по аналогии с естественным отбором, тогда как среди немарксистов Вебер сам был не только постоянно враждебен социал-дарвинизму в любых формах, но и в принципе отвергал концепцию социального отбора как не имеющую объяснительной ценности...» Если же вспомнить, сколько вздора было написано под маркой «социальный дарвинизм» и как много преступлений было оправдано теориями расового превосходства, то станет понятным, почему «огромное большинство социологов заключило, что поиски специфически дарвинистской социологии бесперспективное, если не сказать дискредитированное занятие. В методологическом же отношении дело в том, что та проблематика наук о человеке, где применение дарвиновской

теории наиболее подготовлено для демонстрации хорошо проверяемых объяснительных гипотез, более или менее удалена от проблем традиционно адресуемых социологами в связи с индустриализацией, стратификацией, политикой, образованием, правом, социальной мобильностью и т.д.». Однако как марксисты, так и сторонники скиннерианской психологии и дюркгеймианской антропологии, похоже, просто не знают «о приложениях недавних достижений эволюционной, когнитивной психологии и психологии развития, которые радикально подорвали "Стандартную модель науки об обществе", в соответствии с которой человеческое дитя при рождении является *tabula rasa*...» [5, p. 167-168]. Факты же свидетельствуют, что мимическое выражение эмоций является константным для всех культур, что все люди имеют генетически предопределенные психологические алгоритмы, включая так называемый «языковой инстинкт»; перечень подобных «метакультурных констант» может быть существенно расширен и их наличие необходимо как-то объяснять.

Что касается обвинений сторонников социальной селекции в редуционизме со стороны социологов, У. Рансимен указывает, что «селекционизм не исключает возможность появления эмерджентных характеристик, объяснение которых не может быть редуцировано к биологическому или химическому уровню... формальные условия... – необходимость единиц отбора, способных реплицироваться с ошибками копирования и шансами репликации мутантов под влиянием среды – могут применяться также хорошо для дальнейших стадий эволюции, как и для генов. Из этого также следует, что нет беспокоящего социологов несоответствия между парадигмой селекционизма и рациональным выбором...» Действительно, «нет несоответствия между идеей, согласно которой репликация социальных практик зависит от адаптивных преимуществ носителей этих практик в определенной среде, и идеей, согласно которой это поведение в то же самое время дает отрицательные ответы на затраты и положительные на приобретения, предлагаемые средой агентам, запрограммированным просчитывать ход обмена». Относительно же негативной политической ангажированности селекционизма, Рансимен замечает, что «сильные и слабые стороны селекционистской парадигмы не релевантны персональным мнениям и ориентациям... этологические гипотезы Лоренца о поведении животных не более лишены законной силы его фашизмом, чем вклад Дж. Холдейна в "новый синтез" лишен законной силы его марксизмом... парадигма селекционизма дезавуирует любую предполагаемую связь между силой производных от нее объяснений и политикой ее сторонников» [5, p. 172-173].

Чтобы окончательно отбросить обвинения в редуционизме, У. Рансимен предлагает концепцию **трех уровней отбора**, которым соответствуют **три типа социального поведения** современного человека. Во-первых, он говорит об **уровне биологического**

отбора (natural selection), связанном с генетически определяемым «индуцированным» поведением. Оно представляет собой инстинктивный ответ, инстинктивные формы кооперации или конфликта, вызванные воздействием среды, которые в соответствии с ментальным алгоритмом являются общими для всех физически нормальных представителей человеческого вида. Единицы отбора на первом уровне, очевидно, реплицирующиеся и мутирующие гены, хотя прямо Рансимен об этом не говорит. Во-вторых, речь идет об **уровне культурного отбора** (cultural selection), который связан с «приобретенным» поведением. Оно представляет собой индивидуальное принятие или отвержение идей, вкусов, моды и т.д., с помощью которого индивид получает психологическое удовлетворение, посредством имитации или обучения. Единицы отбора на втором уровне – реплицирующиеся и мутирующие информационные пакеты или инструкции, воздействующие на фенотип («мемы» в смысле Р. Докинза). В-третьих, Рансимен выделяет **уровень социального отбора** (social selection), который связан с «навязанным» поведением. Подразумевается не то, что такое поведение навязано силой (хотя и это может быть), а то, что оно определяется институциональными правилами, над которыми индивиды не властны. Например, рабочие в капиталистической экономике не сами создали систему, в которой они социализировались; в равной мере это относится и к прихожанам исламской мечети и к избирателям на президентских выборах в США. Интересно, что единицами отбора на третьем уровне У. Рансимен считает единицы взаимного действия или практики – «функционально определенные единицы взаимного действия, информированные взаимно признанными намерениями и предположениями индивидов об их возможностях влиять на поведение друг друга силой их социальных ролей» [5, p. 175].

Наиболее существенная аргументация социологов-«дарвинофобов» состоит в том, что если и можно говорить в каком-то смысле о культурном и социальном отборе, то «различия между естественным отбором с одной стороны и культурным или социальным отбором с другой перевешивают сходства. Если парадигма селекционизма не редуccionистская, как я аргументировал, что остается от утверждения о том, что объяснение паттернов человеческого социального поведения... следует основывать на дарвиновской теории?» [5, p. 177]. У. Рансимен признает, что можно говорить о четырех отличиях этих уровней отбора: ни мемы, ни практики не существуют в том смысле, в котором существуют гены и не реплицируются способом, которым реплицируются гены; частота встречаемости в популяции не является мерой репродуктивного успеха как в случае естественного отбора; ход культурной и социальной эволюции детерминирован крупными, внезапными, быстро распространяющимися инновациями, которых нет в гораздо более постепенной

биологической эволюции; большинство культурных и социальных изменений проводится сознательно, чего нет в случае генетических изменений.

Однако по У. Рансиму, все эти действительно существующие отличия не способны подорвать парадигму селекционизма как таковую. Во-первых, мемы и практики способны реплицироваться и мутировать подобно генам, чего вполне достаточно для отбора; во-вторых, мемы часто реплицируются только в пределах культурного меньшинства, а практики только в пределах одного из нескольких социальных институтов – соответственно степень влияния является гораздо более подходящим критерием успеха, чем простая частота встречаемости; в-третьих, громадная скорость культурных и социальных изменений сама по себе не делает менее результативным процесс социального и культурного отбора. Наконец, в-четвертых, ссылаясь на американского социобиолога Д. Риндоса, Рансимен утверждает, что «характерная черта упрочивает свое положение в культуре не потому, что она была «проведена» (сознательно. – *А. В.*), а потому, что она имела приспособительный характер и потому была отобрана» [5, p. 180.].

Наконец, приведя конкретные примеры, по его мнению, теоретически сильного, «не повествовательного» объяснения двух существенных социальных фактов (усиления абсолютизма во Франции и его ослабления в Англии между 1200 и 1700 гг., а также формирования и воспроизводства связанной с убийством «культуры чести»), У. Рансимен отмечает: «... сказать, что мы еще недостаточно понимаем как культурный и социальный отбор работают, не то же самое, что сказать, будто бы селективного процесса нет вообще, и не то же самое что сказать, будто мемы и практики сколько-нибудь менее реальны, чем спирали ДНК...» Странник эволюционной социологии убежден, что «только исследовательская программа, освобожденная и от марксистской и от дюркгеймианской «руки с небес» (Рансимен подразумевает определяющую роль в общественных изменениях политического сознания и коллективного сознания у К. Маркса и Э. Дюркгейма соответственно. – *А. В.*) и направленная на идентификацию единиц социального отбора и особенностей среды, которая влияет на вероятность их репликации, способна изучение социальных изменений сделать сравнимым с исследовательской программой... в биологии...» [5, p. 183].

В заключение попробуем вкратце оценить представленную версию селекционистской парадигмы. На наш взгляд, она близка ряду известных версий социобиологии (мы говорим о версиях Э. Уилсона, Р. Докинза, М. Рьюза). Рансиму удалось правильно сформулировать ряд очень важных положений. Он справедливо выделяет три уровня действия отбора и его объекты на этих уровнях – на наш взгляд, факты действительно свидетельствуют, что биологический отбор в популяции *Homo sapiens* продолжает действовать и в творческой и в

консервативной функции; можно говорить и о культурном и о социальном отборе (в нашей терминологии – когнитивном и социально-экономическом соответственно). Также важным является замечание Рансимена об объективном, в известном смысле навязанном характере социального отбора: социальная практическая деятельность действительно материальна – ибо ее предпосылки, она сама и ее результаты осознаются лишь частично – хотя сама по себе и имеет «надприродный», нечувственный характер.

Вместе с тем в данной версии селекционизма есть и пробелы, которые, по-видимому, должны быть скорректированы, коль скоро представители эволюционной социологии претендуют не просто на описание, но и на фундаментальное, содержательное теоретическое объяснение фактов социальной жизни. Наряду с указанными Рансименом причинами, эти теоретико-методологические изъяны также не способствуют широкому принятию парадигмы селекционизма специалистами в области социально-гуманитарных наук. Во-первых, возникает вопрос: а какой конкретно механизм связывает, синхронизирует отбор на биологическом, с одной стороны, и социальном, культурном уровнях, с другой? Что связывает гены и мемы, гены и практики? Такая связь, причем достаточно эффективная, должна существовать – в противном случае человек ни в какой мере не представлял бы собой единую систему, и, скорее всего, давно вымер бы как биологический вид. Ответа у Рансимена мы не найдем. На наш взгляд, скорее всего, отбор мелких наследственных изменений, делающих полезное ненаследственное изменение социокультурного плана (если оно существенно и требует для своей полноценной реализации изменения биологических основ человека) наследуемым («эффект Болдуина», «стабилизирующий отбор» по И. И. Шмальгаузену), и выступает тем механизмом, который «подводит генетические копии» под сперва ненаследственные модификации фенотипа [1, с. 216-247].

Во-вторых, У. Рансимен постулирует связь отбора культурного и социального через миметический механизм. В данной культурной среде одни мемы реплицируются успешнее других. Это, конечно, правда. Но У. Рансимен даже не ставит вопрос о природе и происхождении этого всемогущего фактора отбора – среды. Это необъяснимая данность, к которой отбираемые элементы могут только «приспосабливаться» и которая, очевидно, может быть любой. Но тогда она вполне подобна столь критикуемой английским социологом «руке с небес». По нашему мнению, «среда» – это в целом закономерный результат развития природы, а затем и общества, функция которого состоит в формировании условий, в которых реализуется главное направление развития. Отрицание Рансименом прогресса как «шаткой метафоры», подчеркивание полной равноправности различных направлений эволюции не позволило ему дать и научное истолкование «среды» как непосредственного фактора любого отбора.

В-третьих, не сознает У. Рансимен и того обстоятельства, что в отличие от действительно приспособляющихся животных человек производит среду своего существования и развития путем посредством познания и глубокого преобразования природы. И здесь мы переходим к еще одной слабости данного варианта эволюционной социологии: пользуясь абстрактной схемой «репликанты – мутации – отбор – приспособление к среде», Рансимен практически не рассматривает вопрос об эволюции самого механизма отбора. А ведь даже в биологии, к теоретическим схемам он апеллирует, идея эволюции самого механизма эволюции с развитием органического мира достаточно известна: отбор в отношении бактерий, выживающих по преимуществу за счет колоссального репродуктивного потенциала, и отбор в отношении млекопитающих, обладающих развитой ЦНС, сложным и гибким поведением, очевидно, существенно различается. Тем более важно рассмотреть с позиций принципа эволюции изменения, происходящие в механизме культурного и социального отбора [1, с. 247-287].

В целом, несмотря на отмеченные недостатки, вклад У. Рансимена в процесс адаптации парадигмы селекционизма, ставшей в XX веке общенаучной, в «среде» социально-гуманитарной науки представляется весьма значительным и требует дальнейшего изучения. Важно, однако, понимать, что «действительная задача исследования закона естественного отбора заключена не в распространении его на все формы движения материи, а в воспроизведении качественно особенных механизмов и движущих сил развития» [2, с. 173].

Статья подготовлена при поддержке гранта ЕЗН Минобрнауки "Научная философия и проблема модернизации России" № 8.5595.2011.

Список литературы

1. Внутских А. Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2006. – 335 с.
2. Мозелов А. П. Философские проблемы теории естественного отбора. – Л.: Наука, 1983. – 198 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 405. – 543 с.
4. Cziko G. Without Miracles. Universal Selection Theory and the Second Darwinian Revolution. – URL: <http://faculty.ed.uiuc.edu/g-cziko/wm/16.html> (дата обращения 1.07.2013).
5. Ranciman W. G. The Selectionist Paradigm and its Implications for Sociology // Sociology. – 1998. – Vol. 32, № 1. – P. 163-188.

6. Ranciman W. G. Theory of Cultural and Social Selection. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 257 p.

Рецензенты:

Барг О. А., д.филос.н., доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г.Пермь.

Стегний В. Н., д.соц.н., профессор, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», г.Пермь.